

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ОКТАВА

Освобождение

Оркестр и хор MusicAeterna исполнили в Перми Реквием Верди

Юлия Баталина

Джузеппе Верди был, по воспоминаниям современников, совершенно чужд религиозности, однако смерть близких друзей — Джоаккино Россини и писателя Алессандро Мандзони — побудила композитора обратиться к духовной музыке. Создавая свой реквием — партитуру на канонический латинский текст, Верди в то же время оставался верен привычной оперной эстетике: в его сочинении сольный вокал — в центре событий, хор же выполняет, скорее, роль сопровождения.

Для интерпретаторов здесь важно соблюсти хрупкое равновесие всех элементов исполнения и выдержать идеальное сочетание ингредиентов: солирующих голосов, хора и оркестра, а также элементов содержательных — оперного начала и духовной музыки. Как это получилось у Теодора Курентзиса, можно было оценить 21 и 22 марта. За то, что концерт шёл в Перми с повтором, надо очень поблагодарить маэстро: за два вечера его действительно смогли посетить все желающие.

Музыканты и хористы вышли на сцену в длинных чёрных одеяниях, напоминающих рясы послушников, солисты тоже были в чёрном. Музыка началась почти незаметно, постепенно нарастая из очень-очень глубокого piano и плавно, но стремительно достигая forte почти громогласного. Всё исполнение было построено на драматических контрастах — между громкими и тихими фрагментами, между солистами и хором. Как обычно, акценты и противопоставления Курентзису удалось, и длинное произведение пролетело, как остросюжетный фильм. Напряжение в зале было физически ощутимо, и после окончания концерта зрители расходились не только счастливые, но и очень уставшие.

Речь в этот вечер шла о приключениях духа, о поисках покоя (requiem) и свободы (liberte); вечного света, веч-

ного покоя. Слова lux aeterna и requiem aeterna постоянно повторяются в тексте, пусть каноническом, но несколько видоизменённом композитором, как это, собственно, и принято при написании реквиемов. В сюжете этого реквиема много тревоги, много боли — недаром Dies irae («День гнева») звучит в нём трижды, как рефрен, — это не столько религиозный Страшный суд, сколько леденящее осмысление неизбежности смерти, острое чувство, которое в повседневности человек гонит от себя, но которое неизбежно настигает его в дни горьких утрат.

Dies irae в начале канонической секвенции — самый эффектный фрагмент реквиема, где создаётся почти зримый образ Страшного суда благодаря мощным звукам фанфар во фрагменте Tuba militum. Курентзис преподнёс его как жестокую мистерию: четвёрка трубочей расположилась на балконе, и музыка окружила и заполнила зал, а трубный глас донёсся до слушателей как будто с небес. Для того чтобы руководить трубочами, дирижёр повернулся к залу, и зрители смогли увидеть дирижирующего Теодора в лицо — возможность практически небывалая.

Мощный хор поразил публику прежде всего своими размерами. Главный хормейстер Виталий Полонский рискнул объединить хор MusicAeterna и «Большой» хор Пермской оперы, но подстраховался, пригласив 13 певцов

ФОТО АНТОН ЗАВЬЯЛОВ

Чтобы руководить трубочами, дирижёр повернулся к залу, и зрители смогли увидеть дирижирующего Теодора в лицо

со стороны. Получилось очень достойно. Ещё есть поле для работы — всё-таки 87 человек поют пока не так слаженно, как 20–30 лучших, но тонкое пиано, столь любимое и дирижёром, и его слушателями, они уже освоили.

Как уже было сказано, на солистов в этом реквиеме нагрузка огромная. Из четвёрки голосов, собранных из разных стран и даже континентов, сопрано было пермским — солистка оперной труппы Зарина Абаева в этой красивой партии и звучала, и выглядела как-то неземно. В финале — Libera me («Освободи меня») — она молитвенно сложила руки, и казалось, что на сцене кающаяся Магдалина с картины эпохи барокко. Libera me — страстный и проникновенный финал, в котором звучит острая, щемящая надежда на победу жизни над смертью. Несмотря на горечь и страх, столь мощно звучащие в этом реквиеме, финал его пусть сдержанно, но оптимистичный.

Кроме Зарины Абаевой некоторым пермякам знаком и бас Тарек Назми: его видели и слышали те, кто добрался прошлым летом до Зальцбурга, где он участвовал в исполнении Девятой симфонии Бетховена с MusicAeterna и Теодором Курентзисом. Бас низкий, глубокий, но и очень гибкий, певучий — редкое и ценное сочетание.

Менее других впечатлила меццо-сопрано Эрмине Мэй, хотя и упрекнуть её не в чем; голоса в целом были подобраны идеально ансамблево, и дуэты Мэй и Абаевой звучали сладостной гармонией. Зато тенор Рене Барбера просто потряс: это настоящий итальянский, вердиевский тенор, залихватский, рассыпчатый, в меру сладкий. Захотелось услышать его в опере.

Все полтора часа, пока продолжался Реквием Верди, в зале, казалось, не было ни вдоха, ни движения. Лишь поначалу капельдинеры пару раз неслышно, как тени, пробежали по проходам, напоминая о необходимости выключить экраны телефонов, и всё! Какие там телефоны! О них все забыли. На протяжении секвенции Курентзис не давал отдыха ни исполнителям, ни публике; первый небольшой перерыв был сделан перед Offertorium («Подношение»). Казалось, вот тут должны непременно прозвучать неловкие аплодисменты... Но нет! Судя по всему, Теодор Курентзис воспитал-таки в Перми достойную, понимающую публику.

Всё сложилось безупречно, и Реквием Верди прозвучал именно так, как хотелось, в самой подходящей для такого исполнения обстановке. Его противоречивые начала отлично ужились в этом исполнении: при всей оперной певучести и мелодическом разнообразии реквием прозвучал с истинным религиозным настроением, благоговейно и с острыми эмоциями страха, гнева, горечи — и надежды на вечный свет.

Вслед за первым пермским исполнением последуют многочисленные другие: начались большие европейские гастроли MusicAeterna, которые открылись 24 марта в Москве, а завершатся 12 апреля в церкви Святого Марка в Милане — именно там 22 мая 1874 года состоялась премьера Реквиема Верди, которым дирижировал автор.

Пермякам, которые по каким-то причинам не смогли побывать на концертах в Театре оперы и балета, наверняка удастся увидеть прямую трансляцию миланского исполнения на одном из самых популярных музыкальных телеканалов мира — французском Mezzo.

Зарина Абаева в финале — Libera me («Освободи меня») — казалась кающейся Магдалиной с картины эпохи барокко